

Ирина Муратова

**Перевоспитание
Полины**

Ирина Муратова

Перевоспитание Полины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72274399

SelfPub; 2025

Аннотация

Избалованная дочь богатого ювелира катится по наклонной плоскости, поэтому отец вынужден предпринять меры по "спасению" любимого ребёнка. Однако водоворот событий заставляет отца и дочь пересмотреть жизненные ценности. Что произошло с Полиной? Явь или сон?

Ирина Муратова

Перевоспитание Полины

Предел терпению

В клубе Полина нарезалась до чёртиков, до состояния, когда бывает, так сказать, «море по колено»! Срывая голос, она выкрикивала непристойности, иногда даже пошлости, как будто кому-то назло, и время от времени, не держась на ногах, падала в объятия крутящихся возле неё пьяных, разнужданных парней. Они, одуревшие от алкоголя и громоподобной музыки, разрывающей барабанные перепонки, перекидывали друг другу, как мячик, изрядно выпившую девушку. Казалось, что вся одурманенная компания потеряла человеческое лицо в клубящейся всеобщей вакханалии. В руке Полина сжимала стакан с какой-то коктейльной бурдой, плескавшейся через край при очередном полёте «в бездну».

В клубе стоял дым коромыслом, непрерывно рвались в воздухе звуки оглушающей музыки, что и музыкой-то нельзя было назвать. По всему залу в такт безвкусным звуковым разрывам дёргалась вверх и вниз, словно в конвульсиях, толпа молодого народа. На подиуме возле шеста вертелась, извиваясь змеёй, полуголая танцовщица. Полина тоже дёргалась, как ей казалось, ровно в такт музыки, и со стороны вы-

глядела умалишённой. К ней пристал баннным листом один изрядно подвыпивший мужичок, что-то кричал ей в ухо, пытаясь переорать гром технических усилителей, лез в лицо, цепляя её нос, щёки, плечи своими мерзкими губами. Его грубые руки непроизвольно двигались по её груди и бёдрам. Полина в порыве пьяного угара то тяжело отталкивала прилипшего мужичка, то вдруг притягивала его обратно, впиваясь, как пиявка, в щетинистый потный подбородок. Вообще-то, человека трезвого, адекватного, картина клубной оголтелости и разврата повергла бы в полное уныние: и это вот люди – цари природы?!

Внезапно трясущаяся толпа стала машинально расступаться по центру, освобождая коридорчик для двигающейся группы мужчин: представительный дядька в возрасте «50+», окружённый пустоглазыми амбалами в чёрных костюмах, крутившими чуть ли не на 360 градусов лысыми головами. Они взирали без каких-либо эмоций на уродство человеческого умопомешательства. Делегация продвигалась прямохонько к местечку, где перед приставучим мужичонкой кривлялась Полина.

В определённый момент бьющая по голове музыка оборвалась, закончившись на последнем, слава богу, такте, и по танцполу зычно и требовательно пролетело глубоким баритоном:

– Полина!

Видный дядька в дорогом костюме тёмно-серого цвета и

сине-серебряном галстуке размашисто прошёл вместе с телохранителями, таранящими толпу, к дочери.

– О, папулька! Откуда ты здесь нарисовался?! – намеренно-развязно крикнула Полина.

Она, невменяемая, шаталась, поддерживаемая такой же шатающейся пьяной особью с жирными мерзкими губами.

– Полина, если ты сейчас же не вытряхнешься из этого зловонного притона, я найшу сюда мусоров!

Полина больно ударила «держателя» по рукам, освобождаясь от него, и плеснула ему в морду оставшийся в стакане коктейль.

– Пусти, дрянь! Ага, ваше величество, – кочевряжилась она перед отцом, заплетаясь в речи, – всё можете? Да? Слушай-ка, папа всемогущий, ты дашь мне жизни когда-нибудь или нет? А? Дашь свободы? Забодал уже! Видишь, я отдыхаю! Иди лесом! Гуляй по коридору! И своих крепостных холопов заberi отсюда!

Николай Афанасьевич Богатов еле сдерживался и не возражал дочке, молча сжимая кулаки до синюшного цвета кожи. Он лишь повёл бровью – нехороший знак.

– Ёжиков, – спокойно сказал Богатов, не сводя жёсткого взгляда с распутившейся Полины.

Сразу же, просто в секунду, самый крупный амбал из придворной свиты хозяина приступил к действию: он шагнул к Полине и одним махом, умеючи, скрутил ей руки. Бокал выпал и грохнулся об пол, разлетевшись на осколки.

– Ай-яй! – запищала девушка, – пусти, обезьяна лысая!

Но Ёжиков, подобно послушному роботу, без единого мимического движения на гладко выбритом лице, уже тащил сопротивляющуюся Полину в направлении выхода, по тому же коридорчику, что образовала расступившаяся толпа. Ёжиков впихнул девушку в авто. Машина стремительно сорвалась с места. Полина ругалась на чём свет стоит, но никто из папочкиной «делегации» её, естественно, не слушал и на бранные её слова не реагировал.

Автомобиль подъехал к двухэтажному добротному дому. Это был особняк, выполненный в минималистическом стиле, однако опытный глаз знатока архитектуры оценил бы высокое качество исполнения проекта. Вокруг дома раскинулся подходящий под манеру сад с беседками, фонарями, клумбами и прудом, над которым протянулся мост с прозрачными ограждениями из оргстекла.

Преданный слуга Ёжиков сопровождал отравленную алкоголем и уже ничего не соображающую Полину в её комнату, куда подросла горничная-нянька. Она раздела девушку, бормочущую всякую чушь, и уложила в постель. Но Полина тут же вскочила – ей было так плохо, что часа два она не вылезала из уборной, посылая проклятия отцу и небу в целом. Она провалилась в сон лишь под утро и спала без задних ног, полностью выпав из жизни.

Николай Афанасьевич распустил на выходной всю прислугу, оставив только ограниченный контингент охраны и

повара с официантом, и занялся делами, устроившись в кабинете. Он провёл онлайн-совещание, принял несколько телефонных звонков, после чего наступил момент, когда, задумавшись, Богатов замер в любимом кресле.

Что происходит с дочерью? Конечно, он вовсе не хотел, чтобы Полина выросла такой, какой он наблюдал её в последнее время. Она охамела выше крыши, ни во что не ставила родного отца! Николай Афанасьевич делал всё, чтобы после смерти Светланы, его жены и матери Полины, дочь была обеспечена всем необходимым и даже сверх того, чтобы Поля не чувствовала себя обделённой сиротой. Он так сильно любил её, свою девочку, своё солнышко! Богатов никогда не жалел средств на её увлечения и капризы, на гувернанток и образование, на шикарные платья и престижное авто!

А получилось всё наоборот: Полина бросила сначала музыкальную, а потом и художественную школу, хотя отец давно заметил в ней творческие способности, особенно к искусству, пытался привлечь к делу отличных преподавателей, но напрасно. Она перестала посещать и секцию фигурного катания, затем ушла из драматической студии. В общем, бросала всевозможные начинания, требующие труда и терпения. В школе училась спустя рукава, несмотря на то, что учёба давалась ей несложно. В университет ездила через раз (семестры всё равно будут оплачены отцом). Зато с удовольствием увлекалась шмотками из бутиков да ночными клубами. И на уме – деньги! Деньги, деньги... Однажды

Полину загребли в «обезьянник»: она вместе с приятелями участвовала в поджоге и разгроме магазинов матери одного «мажорика», не принятого всей гоп-компанией. Много нервов, и не только нервов, потратил тогда Николай Афанасьевич, чтобы её не тронула полиция. Отец был не на шутку зол и напуган: а что, если дочь пристрастится к наркотикам? Так, с него хватит! Наступил, пожалуй, предел – пора кончать с её выкрутасами, пока расхлябанная жизнь девушки реально не дошла до точки невозврата.

Николай Афанасьевич видел, что дочь, взрослея, всё больше и больше отдаляется от него и ведёт себя нарочито нагло, словно мстит ему за обиду, однако, какую именно, он не понимал. Ведь он не виноват в том, что девочка осталась без матери, ведь он старался, как только мог, – ни в чём Полина не нуждалась! Отец не понимал, что, будучи в делах, в работе, в бизнесе, он любит дочь, будто на расстоянии, бросая её на растерзание каким-то пришлым, нанятым нянькам и учителькам. А Полине был нужен обыкновенный папа, было нужно его родительское тепло, его душа, его искренний, настоящий интерес к её жизни, к её проблемам – его истинная дружба.

Он также проразявил и первую, довольно серьёзную влюблённость девочки. Вот где образовалась трагедия! Отец категорически не принял того мальчишку – парень, видите ли, не «их круга», из нищевродов, никак не годится даже в друзья его дочери, не то чтобы в женихи! А не надо ли бы-

ло её саму спросить? Обиженные дети в отместку устроили побег: Полинка и Юрка убежали из дома на юг, на море. Их, разумеется, нашли, но мальчишке с тех пор все ходы к дочке были заказаны, а его родителям пригрозили расправой. Девочка трудно пережила сильную боль, причинённую отцом, однако не понятую им до конца, что ещё дальше отодвинуло отца и дочь друг от друга.

Когда же настал день и отец обнаружил свою родительскую несостоятельность, оказалось, что дочка-то уже выросла. Время было упущено – пропасть между ними увеличилась до невероятных размеров. Дочь не шла на контакт, она постоянно шла на конфликт, продолжая по инерции злостно протестовать и выводя отца из равновесия какими-то дурацкими способами протеста, вероятно, не домысливая, что ими вредит в первую очередь лишь самой себе.

Нет, надо было что-то предпринимать, иначе Николай Афанасьевич встанет перед угрозой полной потери родного человека – единственной дочери.

Он набрал номер своего партнёра, товарища и верного «пса», которого Николай Афанасьевич «купил» когда-то, поймав на мошенничестве, и наделил полномочиями, за что тот, безусловно, боготворил Богатова. Помощником по делам и советником по трудным вопросам был Долгорукий Пётр Фёдорович – делопроизводитель, юрист, психолог, политолог, врачеватель, собеседник, устроитель и прочая! Какие только функции ни приходилось ему выполнять! Коро-

че, талантливый всезнайка в одном лице. Если Долгорукий сам не мог в чём-то разобраться, то каким-то невероятно умелым образом находил нужного человека и с его помощью разрушал возникшие препятствия и разрешал неудобную ситуацию.

– Петя, срочно приезжай, ты нужен мне позарез! – тревожным голосом не потребовал, а позвал Николай Афанасьевич.

– Слушаюсь! – с тихой подобострастностью ответил Долгорукий, предвкушая интригу.

Через час оба сидели в кабинете английского фасона, перед горящим камином, с фужерами коньяка, словно Шерлок Холмс и доктор Ватсон. Николай Афанасьевич излагал свои горести Долгорукому, а тот уже, по мере порционного поступления информации, крутил деловыми мозгами авантюриста, как же помочь своему вечному «спасителю», которому он был обязан по гроб жизни. И ведь придумал же! Вспомнил одну замечательную сказку братьев Якоба и Вильгельма Гримм, откуда и позаимствовал средство для приведения сознания дочери Богатова в нужное состояние.

Авантюрный план Долгорукого

Фамилия Богатов являлась поистине говорящей. Николай Афанасьевич был богатым человеком в самом прямом, материальном, смысле слова. Однако в этом он не виноват: Богатовы – потомственные ювелиры, и семейное состояние, как и семейное дело, передавалось мужчинам по наследству. За-

слуга Николая Афанасьевича состояла в том, что он не только сохранил унаследованное, но и преумножил его, до сих пор продолжая увеличивать его количество.

После революции 1917 года некоторые из предков Богатова эмигрировали из России. Кто-то из них прижился за границей, осел в Англии, Франции, Германии, переехал на Австралийский континент. Кто-то сгинул в вихре перемен и социальных пертурбаций. Николай Афанасьевич знал, что его прадед, полный его тёзка, которому на тот момент было лет девятнадцать-двадцать, остался на родине. В кругу большой семьи он выглядел неким изгоем, так как был подхвачен и увлечён политическими событиями времени (он единственный из родни, кто принял революцию, поверив в неё). Он вступил в комсомол, а затем и в партию большевиков, воевал в Гражданскую, имел награды. Он считал, что не предал Родину: Родина одна, её не выбирают, а разделяют её судьбу.

Но, видимо, тяга к ювелирному ремеслу мощной генетической занозой засела в роду Богатовых, периодами выделяя из членов разлетевшегося по миру семейства наиболее талантливых в данной области представителей. Таким оставался прадед. Когда буря устаканилась и в СССР началось масштабное строительство нового общества, Богатов-прадед нашёл себя именно в ювелирном деле. Как-то надо было переправить энное количество национализированных драгоценностей в Москву, и чекисты поручили ему поработать с ювелирными изделиями на предмет установления их подлинно-

сти, оценки и всяческих подсчётов. Богатов-прадед отлично справился с поручением. В Ленинграде он окончил дополнительно экономический факультет. В итоге Богатов-прадед стал одним из представителей руководящего состава Государственного треста «Русские самоцветы».

Он женился, у него появилось трое детей – две девочки и мальчик. Мальчик, родившийся в 1923 году, стал дедом сегодняшнего Богатова. Дед погиб в 1944-ом в Крыму, под Балаклавой. А его сын, отец Николая Афанасьевича, практически-то и возродил семейный бизнес. Правда, в советской стране дело так не называлось. Но суть особо не изменилась – он стал директором реставрационной мастерской в Ленинграде, имел возможность работать с драгоценными камнями и металлами, многому научил своего сына. Сказать, чтобы он занимался тёмными делишками, – нет, такого за ним не водилось, честность, как ни показалось бы это странным, была у Богатовых не на последнем месте. Он был высококвалифицированным, признанным мастером, художником и неплохо зарабатывал.

Сын, Николай Афанасьевич, пошёл по стопам отца. Он с увлечением, а позже с полным сознанием выгоды перенял от родителя мастерство, семейные ювелирные секреты. Николай Афанасьевич, с цепкостью, практичностью, деловой хваткой, заложенными в его родовой крови, активно и результативно раскрутился в период новой России. От отца ему перепали накопления, которых вполне хватило, чтобы

выжить семье в девяностые годы, выстроив верную экономическую политику, и продолжить процветание. Теперь же он владел реальным богатством, бизнесом, ювелирными мастерскими, магазинами и целым штатом официально устроенных на работу (а по смыслу – безоговорочно подчинённых ему людей, своеобразных «рабов нового времени»), кто по рангу за достойную зарплату, а кто и за не очень достойную.

– Долгорукий, что ты придумал? Я по глазам твоим вижу, что в авантюрном роге изобилия ты держишь какой-то подходящий план! Надеюсь, рецепт безболезнен?

Богатов отхлебнул из фужера стойкого армянского коньяку и засунул в рот дольку лимона. Он глубоко верил, что Пётр обязательно поможет советом, и его ожидание оправдалось.

– Ну, по поводу болезненности... Как ты себе мыслишь получить нужный результат? Без боли и мучений, господин Богатов, ничего не рождается, и ты знаешь это гораздо лучше меня.

На последних словах помощника Николай Афанасьевич свёл брови к переносице и тревожно-вопросительно уставился на Долгорукого, мол, какие такие «пытки» для Полины породило непредсказуемое воображение этого известного фантаста-интригана?

– Коля, ты ведь помнишь сказку «Король-дроздобород»? Богатов усмехнулся: конечно, помнит, с детства. Но у него нет цели выдать замуж свою капризную «царевишну» за пер-

вого нищего, который переступит порог его королевства.

– Я не о таком замужестве, – с хитрецей прищурился Долгорукий.

– О каком же?

– Надо найти бедняка, в которого твоя дочка до смерти влюбится. Нанять его за деньги! Он сыграет роль, как в кино. Влюблённые захотят пожениться, а ты откажешь им в благословении. Тогда назло тебе Полина всё же выйдет за него замуж и в итоге познает фунт лиха – мало того, что останется без твоих денег, потому что ты «в ярости» лишишь её наследства, пусть ещё любимый муж окажется домашним тираном-террористом. До определённого предела, разумеется. До того предела, какой ты ему положишь. Вот дочка и прибежит обратно, как миленькая, защиты просить станет, отрезвится, изменится. Надо дать ей настрадаться. Ты же разбаловал девчонку до невозможности, распустил её, превратил в эту..., как её..., в царевну Будур! У меня и подходящий сценарист есть, он распишет всю роль по нотам. И бедняк заработает, и ты своё возьмёшь. Подготовим всё чин-чинарём. Каждый его шаг – под контролем.

Николай Афанасьевич расширил глаза от удивления и временно замер на месте, словно окаменел. Он, конечно, знал, что Долгорукий на всё способен и допускал, что тот способен быть даже садистом высокого полёта, но не до такой же степени! Пётр, в свою очередь, разочарованно наклонил голову набок: да, Богатов не согласится на подобное

предложение. Николай Афанасьевич крутой бизнесмен, расчётливый делец, но стать лжецом, предателем для дочери, играть на человеческих чувствах, хоть даже и во благо – не его путь. А жаль, отличная бы игрушка получилась.

– Хорошо, – снисходительно отреагировал Долгорукий, – могу подключить психолога, который точно поможет тебе, классный специалист. Он точно что-нибудь придумает, найдёт способ полечить твою Полину. Но, зараза, берёт дорого.

Богатов вновь остановил на Долгоруком вопросительный взгляд, который постепенно подёрнулся оттенком презрения.

– Знаешь, Петя, иди-ка ты... , – безнадежно махнул он рукой, – а я уши развесил, дурень старый! Думал, что ты действительно pomoжешь советом. Может, ещё конька-горбушка найдёшь, предложишь дочку через три котла пропустить? Смешно, ей-богу!

Тогда Долгорукий допил свой коньяк, затушил сигару и решительно встал, разведя руками.

– Я тебе дело говорю. У меня все работники имеются: и сценарист, и режиссёр, и преподаватель актёрского мастерства, и психолог, и костюмер с гримёром, и... А ты как думал?! Подходящий перечень! Нужно найти гастролёра, обучить его хоть мало-мальски, порепетировать, и тэ дэ. Для этого необходимы специалисты. Главное и самое трудное – найти подходящего мужичка: молодого, симпатичного, не обделённого интеллектом, этакое нищего худож-

ника-неудачника, чтобы жалость вызывал, нуждающегося в бабках. Не бойсь, беднячка этого тебе подыщет наёмный режиссёр, не лысоголовым же твоим по городу рыскать.

– У тебя что ж, театр собственный есть, что ли? Авантюрист!

– Неплохая идея, знаешь ли. Театр – это прекрасно! Подумаю на досуге, – улыбаясь, Пётр Долгорукий позёрски покрутил рукой в воздухе.

Богатов почесал затылок и вдумчиво вздохнул.

– Сколько уйдёт времени на всё это? Месяц, два? – нехотя, словно на всякий случай, спросил он.

– Сейчас не скажу. Проконсультируюсь.

Долгорукий готовился было уходить, но усёк-таки замаячившую вдалеке, пока ещё бесформенную, заинтересованность Николая Афанасьевича, типа «была не была», поэтому притормозил, надеясь окончательно добить хозяина, склонив его к принятию «правильного» решения.

Долгорукий был прирождённым интриганом, и любая партия в рамках этого поля хватала его за живое, он заражался идеей интриги, как идеей в области рукодельного творчества. Интересно же! Однако, помимо интереса, его нынче просто захватила в плен дьявольская мысль устроить Полине, этой малолетней хамке, невероятную воспитательную экзекуцию, чтобы девчонка понюхала пороху! Долгорукий ведь и сам от неё, нет-нет, да получал на орехи. Однажды его сын Витька, дурак недалёкий, отправился к Богатову про-

свить руки его дочери. Но великая принцесса Полина Николаевна издевательски отвадила сыночка, дала ещё тот отворот поворот – провела сына самого Долгорукого мордой по батарее, как капризная принцесса в сказке, с издёвками насмехаясь над всеми Витькиными минусами. В общем, Долгорукий вцепился в ситуацию Богатовского бессилия, впервые обрадовавшись тому, что в жизни всё же существует закон бумеранга – ах, как же сильно хотелось ему заняться «отмщением», как же сильно хотелось наказать эту злую, противную, мелкую принцесску!

Богатов снова глотнул коньяку, взял кочергу, помешал что-то в камине и судейским голосом, выносящим вердикт, произнёс:

– Ладно, Долгорукий, давай твоё представление! Бес его знает, может, ты и прав. Может, теперь с ней только и надо поступить подобным образом. Но, Петя, учти: если номер не пройдёт, если промажешь, то казнь твоя будет ужасна! Хуже четвертования!

Надлом

Сегодня Полина Богатова, как примерная студентка, отсидела все лекции в университете. На переменах между парами она в уединении задерживалась то у одного, то у другого окна, глядя через стёкла на осенний городской пейзаж. Стояло бабье лето, её любимое время года. День выдался спокойный, тихий. Временами на небе появлялись припудрен-

ные сероватым пеплом облака, которые закрывали неяркое солнце, но незаметно их уносило куда-то воздушным потоком, будто они незаметно растворялись, и снова лился солнечный свет, свободно играя желтизной листьев.

После той ночи, когда отцовские холопы с позором уволокли её из клуба и она, измученная отравлением, просидела ночь перед грязным горшком, Полину не оставляла грусть. Она не могла определённо сформулировать, что с ней происходит, она чувствовала лишь полное одиночество и собственную ненужность. Оказывается, у неё нет настоящих друзей, нет родительского понимания и участия, нет, чёрт побери, пресловутой любви.

Да-да! Полина, как всякая девушка на Земле, желала, чтобы её любили. Любили её саму, а не деньги её папочки! Собственно, здесь нарисовалась картина, весьма знакомая в алчном мире людей. Но почему в эту картину вписалась именно она, Полина Николаевна Богатова?! Почему именно ей выпала эта доля? Какая разница, есть ли у неё залежи в закромах, нет ли, – она ведь живой человек, стало быть, ей необходимо всё то, что по природе причитается каждому из нас: родственная душа и любовь!

Вон сколько девчонок – взять хотя бы их курс – неимущие голодранки, зато имеют любимых парней, дружат, ходят на какие-то мероприятия, ездят на каникулах дружной толпой в походы и путешествия, общаются совсем не так, как принято в её окружении. А сколько из них вообще не зависят от

родителей – самостоятельные люди, работают, зарабатывают, распоряжаются собственными средствами, вообще всей своей жизнью. Не крутятся в престижных клубах, не носят эксклюзивных шмоток, не пьют экзотических вин, не ездят на дорогущих тачках! И ничего, выживают! А она? Вечно думать о том, что тебя лишат сладкого куска, – какая дрянная зависимость! Господи, да пропади он, этот кусок!

Полина вдруг достала из сумки паспорт и вытащила из-под обложки фотографию мамы. Мать (та женщина, что, пожертвовав собой, подарила ей жизнь) была Полине, в общем-то, неизвестна. С тех пор, как Полина себя помнила, она видела маму лишь на фото. Отец говорил, что расположенность Полины к живописи – от мамы, ведь она была художником-дизайнером.

С фотографии на Полину смотрела не то чтобы красавица, но очень привлекательная молодая женщина в однотонном, тёмно-синем шёлковом платье, в светлом песцовом боа, наброшенном на плечи. Видно было, что к фотографированию дама готовилась специально: продуманный наряд, аккуратный макияж, скорее всего, выполненный визажистом-профессионалом, неброский розовый маникюр, высокая причёска шатенки, подходящая к её неширокому, слегка вытянутому лицу, на шее – золотая цепочка с жемчужинкой, а на четвёртом пальчике – обручальное колечко с вкрапленным посередине маленьким бриллиантом. У мамы были зеленоватые глаза, с каким-то еле уловимым карим прицве-

тьем, – редкие глаза, придававшие её внешности необычный оттенок. «Наверное, отец её сильно любил. Такой женщине нельзя изменять!», – думала про себя Полина. Она пыталась вспомнить её – говорят, что иногда в человеке остаётся младенческая память, – но вспомнить не получалось. Полина лишь искусственно, словно нейросеть, «оживляла» фотографическую маму в своем воображении, представляя такой, какой видела на сохранившихся фото.

Почему папа никогда не рассказывал о ней дочери? О её характере, внутренних качествах, увлечениях – какой он её знал? Почему Полине толком ничего не ведомо о родной матери? Всё ему некогда! «А может, я сама виновата? Что такого, если я спрошу отца о том, что меня интересует? Сама. Почему мы с ним не ладим?» – продолжала думать Полина, пока не раздавался звонок на следующую пару.

Полина училась на журфаке. Вернее, числилась, потому что занятий почти не посещала. Летнюю сессию одолела кое-как, да и то папенька снова помог – оплатил дочкину вседозволенность. В принципе, факультет журналистики – это круто. Однако Полина ясно сознавала, что данная дорога не её. Не увлекает и не привлекает. Девушка как-то раз попыталась серьёзно объяснить своё воззрение отцу, но он её не понял, даже слушать не стал, пригрозив карой, если она бросит факультет. Естественно, она «отомстила» – устроила голодовку, запершись у себя в комнате, не отвечала на его телефонные звонки и на крики из-за двери. Отцу пришлось взломать

несчастную дверь, а потом он клял дочку на чём свет стоит.

Ей тяжело давались иностранные языки, её сносило на более художественный, нежели чисто публицистический, стиль письма, она не любила репортёрскую работу и так далее. Но её никто не понимал, ни одна душа, как она считала. Например, немногочисленные приближенные однокурсники в ответ на её пару промелькнувших в разговоре «жалоб» отвечали легко, задорно, без труда: «Не нравится, брось, займись тем, чем нравится». Им всё так просто! Захотели – бросили. А ей-то не просто! Ей нельзя.

Учебный день закончился. Полина спустилась по ступенькам парадного крыльца университета. Вдруг она остановилась, подняла голову и вновь посмотрела в небо. Как же редко она глядит на небо! Сегодня оно такое притягательное, бездонное, зовущее, манящее, так и хочется взлететь. Невольно ей пришли в голову слова Катерины из «Грозы» Островского: «Отчего люди не летают так, как птицы?»

Полина опомнилась: что это с ней? Не хочется обедать в ресторане, хочется простого домашнего борща со сметаной и чесночными пампушками! Не хочется садиться в свой «мерс» – а если полностью, то «Mercedes-Benz S-Class Maybach» – кофейного цвета, подаренный ей отцом на совершеннолетие. Не хочется никаких высоких тусовок. Хочется натянуть дешёвую футболку, рваные джинсы и гулять по тропинке где-нибудь в заброшенном парке, шурша опавшей листвой. Хочется расположиться с мольбертом на бе-

регу живописного пруда и творить, творить, творить! Хочется написать материнский портрет! Написать лицо матери именно таким, каким его представляет только Полина. Хочется поболтать с интеллигентным человеком о чём-то вечном. Хочется любви! Свободной, чистой любви, без папиного вмешательства: тот нам не подходит, этот не годится, тебе надобен вот такой-то жених, и точка! Бред собачий! «Боже, пошли не принца – наследника миллионов, а обычного парня, который бы то и делал, что души во мне не чаял!» – взмолилась про себя Полина.

При романтическом настрое глаза девушки увлажнились. Она, подставляя лицо осеннему солнцу, медленно подошла к площадке, где утром припарковала «Мерседес». Пискнули ключи, но Полина, подождав несколько секунд, закрыла дверцу и двинулась в направлении бульвара, отведя руку назад и пискнув ключами повторно. Неподалёку от машины курили и болтали её одноклассники по курсу, Вовка Зарыгин и Лёшка Петухов.

– Эй, Богатова! Поля! – крикнул смелый Лёшка, поманив рукой.

– Чего тебе, Петушок?! – наигранно-ласково кривя губами, отозвалась Полина.

– Слушай, Полинка, я, конечно, имею принципы, но позарез нужно двадцать тыщ. А для тебя это копейки. Одолжи до полочки, а?

Полина недовольно глянула на него. Да, у неё есть два-

дцать тысяч, есть и в десять раз больше. Но с чего это Петухов цинично заявляет, что такая сумма для неё – копейки. Их зарабатывает отец потом и кровью. Не знаете вы, мальчишки, что приходилось и приходится преодолевать, чтобы на её карточке появлялись расходные!

– До полочки? – недоверчиво спросила она, вытягивая из сумочки «Айфон». – Ты что, работаешь? Неужели? Где ж это?

– Какая тебе разница? Или давай, или нет. Вопросы, блин, задаёт. Работаю! Не то, что некоторые.

– Ну уж? Тебе положено, ты мужик! Когда зарплата? Когда отдашь? Если не отдашь вовремя, больше не получишь.

– Не переживай, пятнадцатого отдам.

Полина посмотрела на него пристально, мол, ловлю на слове.

– Сейчас переведу. Диктуй номер телефона.

Она перевела онлайн двадцать тысяч, после чего Петухов бессовестно кинулся к ней с объятиями.

– Сеньорита, благодарствую! – и давай чмокать её щёки.

– Да отвяжись ты, придурок! Вов, оттащи его! Фу-у!

Зарыгин, наблюдая за ними, по-доброму улыбался.

– Лёха, тормози, а то охрана набежит! – Владимир с силой оттащил Петухова от девушки.

– Ох, чёрт, Польша, и сладкая же ты! – признался Лёшка, в его голосе прозвучала действительно искренняя нотка, которая, конечно же, понравилась Полине.

Лицо девушки, однако, приняло печальное выражение, она без восторга ухмыльнулась комплименту, и Владимир Зарыгин увидел в её глазах одинокую тоску. Полина сейчас была сама на себя не похожа. Обычно разбитная, грубоватая, и послать сможет подальше, если что не по ней, она стояла перед однокурсниками какая-то сникшая и, кажется, беспомощная. Уж ей-то печалиться?! Было бы с чего!

Владимиру нравилась Полина, но он тщательно старался скрыть свою симпатию, боялся чем-то себя выдать, чтобы, не дай бог, не вызвать её ярость, не видя того, что она обо всём догадывается. Заполучить неординарную богачку – недостижимая цель. Но дело тут не в богатстве, эта девушка производила на молодого человека умопомрачительное впечатление: смелая, свободная, остроумная, сексуальная! Пусть сложная, но тем и притягательная, она отличалась от других девчонок. Ох, мечта! А Полина, наоборот, таких вот, как все эти Вовы и Лёши, считала вольными по-настоящему и завидовала их реальной, чистоганной, по её мнению, свободе.

Полина задумчиво посмотрела на Вовчика и неожиданно протянула ему электронные ключи от своей машины.

– Вова, на, возьми «Мерс», можешь кататься! А хочешь, вообще подарю?!

Владимир попятился.

– Полин, ты чего? На кой мне твой «Мерс»? Он, небось, миллионов тридцать стоит?!

– Ага, вроде того. Бери же, говорю, катайся! – и запихнула

ключ в карман его ветровки, а затем, не давая Вовке опомниться, быстро зашагала прочь.

– Поли-и-на-а! – закричал ей вслед Владимир, тогда как Лёшка застрял на месте, ошарашенный: вот бы Богатова не Вовану, а ему, Петухову, засунула в карман ключи от такой машинки!

Владимир в три шага догнал девушку и повернул её к себе лицом.

– Зачем ты так? Смеёшься надо мной?! Что я тебе плохого сделал, Богатова?

– Ничего ты мне не сделал. Возьми машину. Это моя вещь, как хочу, так и распоряжаюсь ею, – отрезала она. – Зарыгин, я давно хотела вот что сказать тебе... Я вижу, ты по мне сохнешь? Это зря, Вова. Ты классный парнишка, умный, то, сё. Но, Володя, я тебя не люблю. Понял, братец?

Владимир ещё раз опешил: ага, теперь Богатова точно пришла в себя – грубит, бестия.

– Ну, да, куда мне до твоих женишков! – с некоторой прямо злостью процедил он сквозь зубы.

Полина вдруг положила свою руку ему на плечо и бескорыстно улыбнулась:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.